

ИСТОРИЯ И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Научная статья

УДК 340.15

DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-10-17

С. 10–17

РИМСКОЕ ПРАВО И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ У ИСТОКОВ ПРАВОВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ (ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Владислав Олегович Пучков^{1,2}

¹Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия;

²Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия

v.o.puchkov@uslu.su

 <https://orcid.org/0000-0002-0700-1562>

Аннотация. В статье рассматриваются методологические особенности римского права и юриспруденции в контексте понятийно-терминологических оснований. Аргументируется, что юридическая картина мира Рима, ставшая онтологической основой правовой догматики, являлась натурализованной. Отсюда юридические конструкции мыслились не как абстрактные теоретические построения (понятия), а как функционально-номинативные производные от естественного языка (термины, обозначающие правовые явления и процессы). Доказывается, что способ построения юридического знания в римской юриспруденции осуществлялся в логике «объект — номинация — конструкция». Целевым образом воздействуя на организацию континентального юридического мышления, такой способ рассуждения во многом остаётся востребованным и юриспруденцией цифровой эпохи. Показывается, что базовые конструкции догмы права предопределили невозможность представления в их логике многих явлений и процессов современного высокотехнологичного мира. В частности, заложенное ещё в эпоху Рима понимание вещи стало препятствием к разработке вещно-правовых теорий цифрового имущества. В связи с этим, делается вывод о том, что для правоведения цифровой эпохи наиболее значимыми являются вопросы методологии.

Ключевые слова: римское право, юриспруденция, юридическая конструкция, юридическое понятие, юридический термин, понятийно-терминологический аппарат

Для цитирования: Пучков В. О. Римское право и юриспруденция у истоков правоведения цифровой эпохи (понятийно-терминологический аспект) // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 10–17. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-10-17

ROMAN LAW AND JURISPRUDENCE AT THE ORIGINS OF LEGAL SCIENCE OF THE DIGITAL AGE (CONCEPTO-TERMINOLOGICAL ISSUE)

Vladislav O. Puchkov^{1,2}

¹Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

²Liberal Arts University, Yekaterinburg, Russia

v.o.puchkov@uslu.su

 <https://orcid.org/0000-0002-0700-1562>

Abstract. The article considers methodological features of Roman law and jurisprudence within the context of their concepto-terminological foundations. The study argues the naturalized character of Roman legal *imago mundi*, which became the ontological base of legal dogmatics. Taking from this Roman legal constructs were thought as *functio-nominative* entities derived from the natural language (terms for the legal events and processes), and not as abstract theoretical structures (concepts). The research proves the way of Roman legal cognition to be organized in the logic of “an object — a nomination — a construct”. Affecting objectively the organization of continental legal thought, this method remains in demand in jurisprudence of digital age. The author shows that basic constructs of legal dogma predetermined the impossibility of representation of many phenomena and processes of modern high-tech world, especially digital property. The study concludes that methodological issues are most significant for the legal science in digital age.

Keywords: Roma law, jurisprudence, legal construct, legal concept, legal term, concepto-terminological apparatus

For citation: Puchkov VO. Roman law and jurisprudence at the origins of legal science of the digital age (concepto-terminological issue). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(4):10-17. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-39-4-10-17 (In Russ.)

Введение

В области права, как замечал дореволюционный юрист Б. А. Кистяковский, «сперва создаётся техника и техническое знание явления, а затем уже благодаря технике развивается само явление и возникает потребность теоретического изучения его» [6, с. 280–281]. Приведённое замечание очень точно отражает историко-методологический аспект изучения понятийно-терминологического аппарата правоведения: юридические термины (такие как «иск», «реституция» и подобные им) возникают первоначально как средства *юридической техники*, номинативные единицы, используемые для описания юридической деятельности, практики [2, с. 61]. За ними изначально «стоят» конкретные объекты — действия, предметы материального мира, — и лишь впоследствии за этими номинациями возникает *теория*, система понятий о правовой действительности. По крайней мере, такая ситуация складывается в юриспруденции континентальной традиции, которая формируется как практическое искусство римских юристов и достаточно поздно приобретает черты научного знания. Неслучайно, в связи

с этим, О. Шпенглер замечает: «Римляне не были... ни систематиками, ни историками, ни теоретиками, а исключительно блестящими практиками. Их юриспруденция — это *опытная наука единичных случаев*, одухотворённая техника, а вовсе не какое-то абстрактное построение» [20, с. 62]. В том же ключе рассуждает и классик европейской философии Г. В. Ф. Гегель: «Часто говорят... о римских... *правовых понятиях*... между тем как там нет и речи о понятиях, а есть только... *рассудочные положения*...» [1, с. 63].

Ярким примером этому является понятие о цессии и соответствующий юридический термин: в латинском языке слово *cedo* означало движение, перемещение. Гай в своих Институциях (*Gai. Inst. II. 24–37*), замечает, что от слова *cedo* в дальнейшем образуется слово *cessio*, которое впоследствии вводится в употребление практикующими юристами при обозначении уступки, перехода субъективного права от первоначального кредитора (цедента) к лицу, приобретающему это право (цессионарию). Так в римской юридической лексике появляется термин «цессия»; разработка соответствующего *понятия* была

осуществлена при этом значительно позднее и произведена, главным образом, германской пандектистикой [29, с. 29].

Отмеченное обстоятельство позволяет сделать следующий вывод: несмотря на то, что терминологический аппарат юридической науки во многом формируется уже в римском праве, разработка релевантных *теоретических* понятий осуществляется значительно позднее. Причиной этому является тот факт, что юриспруденция как наука оформляется существенно позже, чем юриспруденция как отрасль практической деятельности; причём последняя традиционно оценивается как сфера, которая избегала всякого нормативного (в методологическом смысле) теоретического определения понятий [23, с. 8], и для которой, как писал ещё римский юрист I–II вв. Яволен Приск, «...всякое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто» [8, с. 114] (D. 50.17.202). Отсюда, имея развёрнутый терминологический аппарат, остающийся востребованным и поныне, римская юриспруденция не только не ставила вопрос о том, каково содержание соответствующих понятий, но и в целом практически не актуализировала какую-либо теоретико-понятийную работу в собственном смысле¹.

Данное обстоятельство очень точно отмечает В. А. Томсинов. Характеризуя теоретико-методологические основания Институций Гая, учёный пишет: «Предложенная Гаем система расположения правового материала... кажется логичной. Но сам Гай в своих „Институциях“ постоянно её нарушал. В разделе „О лицах“, например, он вёл речь не только о статусе различных лиц, но и о способах приобретения и передачи вещей» [18, с. 112]. Значимый вывод В. А. Томсинов делает впоследствии: «Определения, которые римские юристы давали правовым явлениям, фиксировали, как правило, не природу их, а состав, содержание... — отмечает он. — Этого было мало для науки, но для практики оказывалось вполне достаточно. Римские правовые дефиниции — это с научной точки зрения не определения, а скорее изречения (выделено мною. — В.П.)» [18, с. 114].

Таким образом, Рим, впоследствии давший Европе не только образцы практической юридической деятельности, но и терминологический аппарат юриспруденции, не поднял последнюю до уровня науки, системы теоретического знания. В этом смысле, в качестве наиболее ранней «точки отсчёта» *научной истории*

юриспруденции называется эпоха глоссаторов и комментаторов [17, с. 37] или, чаще, XIX столетие [34, р. 400]. На первый взгляд, данное обстоятельство деактуализирует рассмотрение римского периода юридической истории — периода, когда понятийно-терминологического аппарата правовой науки не было постольку, поскольку не было и самой этой науки. Однако такое отношение видится неоправданным, поскольку тот факт, что в Риме не была создана наука о праве, не позволяет утверждать, что в Риме отсутствовала *юридическая мысль*. Памятники этой мысли донесли до наших дней систему юридических конструкций римского частного права, правовые определения и терминологию, и в этом смысле оправданно считать, что именно в римской юриспруденции сформировались *истоки понятийно-терминологического аппарата правоведения*².

Изложенное предопределяет необходимость более тщательного рассмотрения понятийно-терминологических оснований римской юриспруденции.

Описание исследования

Античная римская культура долгое время была восприимчива (и во многом воспринимается и сейчас) как своеобразный идеал, неисчерпаемый в плане его познания и теоретического осмысления [13, с. 16]. Это более всего заметно среди юристов, которые, начиная с глоссаторов и заканчивая германскими

² Употребляя здесь и в дальнейшем термин «юриспруденция» применительно к римско-византийской эпохе, мы говорим о юриспруденции не в значении науки, а в смысле юридической деятельности, притом — деятельности, всецело проникнутой прагматическими началами и не видевшей своей целью разработки общих, абстрактных представлений о праве. «Римская юриспруденция, — пишет, в связи с этим, В. А. Томсинов, — всегда и во всём своём объёме служила практике и качества теоретического... знания о праве она приобретала лишь в той степени, в какой это требовалось для эффективного обслуживания потребностей практического судопроизводства, не более того (выделено мною. — В.П.)» [18, с. 113]. Конечно, в дошедших до нас фрагментах кодификации Юстиниана мы можем встретить некоторое подобие теоретических определений у римских юристов (к примеру, действия права (D. 1.3.7), гражданского права (D. 1.1.7) и т. п.). Однако эти определения не строились по правилам формирования научных абстракций, характерных для современного понимания науки, в том смысле, что отражали не столько содержание понятий, сколько их объём. Между тем, как верно замечал ещё Б. Спиноза, «правильное определение... не заключает в себе и не выражает ничего, кроме природы определяемой вещи (выделено мною. — В.П.)» [16, с. 366]. Потому, употребляя термин «юриспруденция» при характеристике римско-византийского этапа развития континентальной правовой традиции, мы не используем этот термин в качестве синонима терминов «правовая наука», «правоведение» и т. п.

¹ См. *contra*: [7, с. 191; 15, с. 24; 22, р. 126; 26, с. 26].

пандектистами, преимущественно концентрировали свою деятельность на разработке доктринальных основ римского права. Достаточно отметить, что, по свидетельству К. Цвайгерта и Х. Кётца, исследовательские акценты смещаются из области романистики в сферу национальных правопорядков только к XX столетию — веку становления национальных правовых систем и юридических доктрин [19, с. 95; 21, с. 77, 83]. Не случайно в 1917 г. И. А. Покровский напишет: «Наука права, воспитанная на римском праве, уделяет... национальным основам сравнительно малое внимание; вся... юриспруденция проникнута романистическим духом: истинным правом, правом самого разума — *ratio scripta* — считается только римское право» [10, с. 54].

При этом не может не обратить на себя внимание то обстоятельство, что римская юриспруденция (по крайней мере, в том виде, в котором её памятники дошли до наших дней) никогда не поднималась до уровня развёрнутой теории права: разработка её есть заслуга последующих эпох, но не самих римлян. Отсюда кажется удивительным, что при всей своей казуистичности, доктринальной неразработанности, логической противоречивости (а подчас и ошибочности) юриспруденция Рима оказала фундаментальное влияние на всю последующую правовую историю и продолжает — по крайней мере, в понятийно-терминологическом контексте — во многом сохранять актуальность.

Например, замечание О. Шпенглера о том, что «над нами всё ещё довлеет античное понятие телесной вещи» [20, с. 85; 32, р. 531], сделанное в середине прошлого столетия, в полной мере применимо и к характеристике современной теории права. Римское понимание вещи как предмета материального мира прочно укоренилось в современном гражданском праве и стало существенным препятствием на пути к разработке вещно-правовой теории виртуального имущества [9, с. 48] — теоретической концепции, в основе которой лежит идея о распространении вещно-правового режима (и соответствующих способов защиты, к примеру, виндикации) на элементы виртуального мира, имеющие экономическую ценность (в частности, на дополнительный функционал в онлайн-игре) [14, с. 127]. Как отмечается в западной литературе, попытки учёных-юристов обосновать вещную сущность виртуального имущества оказались несостоятельными постольку, поскольку методологически не вписывались в традиционную теорию вещного права, для которой продолжает оставаться актуальным

римское понимание вещи как исключительно чего-то овеществлённого (правда, следует отметить, что к II в. римская юриспруденция формулирует конструкцию бестелесной вещи (лат.: *res incorporales*) в контексте оборота субъективных прав; однако сама теория бестелесного имущества не получила в римской юриспруденции какого-либо развития, а потому и во времена Рима, и в последующие эпохи продолжало доминировать материальное понимание вещи [24, р. 73]).

Примечательно, что влияние сложившихся ещё в Риме представлений о вещах и специфике вещного права прослеживается и в современном законодательстве и судебной практике. Так, в деле *Skatteverket v. David Hedqvist*¹ перед Судом Европейского Союза (далее — Суд ЕС) встал вопрос о квалификации криптовалюты в качестве имущества для целей определения налоговой базы в соответствии с Директивой об общей системе налогообложения добавленной стоимости². С учётом отсутствия легальной дефиниции понятий «вещь» и «имущество» в актах Европейского Союза, Суд ЕС, обратившись к данным европейского правоведения, отметил, что виртуальная валюта не является вещью (имуществом) в традиционном цивилистическом понимании, поскольку не имеет телесной оболочки, а потому операции с такого рода активами не влекут налогово-правовых последствий. К сопоставимым выводам пришёл Высший суд г. Берлина, отметив в одном из своих недавних постановлений, что криптоактивы не могут быть признаны законным средством платежа постольку, поскольку по своей природе не согласуются с устоявшимися теоретико-правовыми понятиями о вещи³.

Примечательно, что теоретические и правореализационные аспекты рассматриваемого подхода впоследствии были учтены германским законодателем в контексте нормативной регламентации оборота криптоактивов: с 1 января 2020 г. на них был распространён правовой режим средства платежа *suigeneris*⁴.

¹ Case C-264/14, *Skatteverket v. David Hedqvist* [2015] BVC 34.

² Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the Common System of Value Added Tax // OJ L 347, 11 December 2006.

³ Kammergericht Berlin Rechtsprechung — (4) 161 Ss 28/18 (35/18) vom 25. September 2018 // NJW 2018, 3734.

⁴ Gesetz zur Umsetzung der Änderungsrichtlinie zur Vierten EU-Geldwäscherichtlinie vom 12. Dezember 2019 // Bundesgesetzblatt. Teill. 2019. Nr. 50. S. 2602.

Сопоставимая нормативная модель криптоактивов также нашла своё отражение в статьях 3 (1) (2), 68 и 69 Проекта Регламента Европейского Парламента и Совета о рынках криптоактивов от 24 сентября 2020 г.¹

Отмечая вышеизложенные обстоятельства, польский юрист П. Палка приходит к заключению, что, с точки зрения современной теории континентального права, «...онтологическая структура реальности, выражаемая в основных юридических понятиях, не претерпела каких-либо изменений с римских времён» [30, р. 150; 3, с. XI]. Развивая данное утверждение, исследователь замечает, что римская юридическая картина мира всецело натуралистична, и потому для неё имя и объект не противостоят друг другу как фрагменты идеального и материального, но существуют нераздельно [30, р. 151]. Отсюда римскому правовому мышлению чужды всякие абстрактные, теоретические построения, и это отмеченное ещё И. Кантом «опасение... пустых идеальностей» [5, с. 63] наложило свой отпечаток на всё последующее теоретическое развитие юриспруденции.

В связи с этим, характеризуя концептуальную методологию римской юриспруденции, Ф. Виакер пишет, что для неё «невозможно... принципиальное различие факта и теоретического понятия о нём» [33, s. 181]. Такая методологическая установка прослеживается, к примеру, в том описании, которое Гай даёт римскому формулярному процессу. В частности, в структуре исковой формулы он выделяет так называемую интенцию (лат.: *intentio*), то есть часть формулы (лат.: *pars formulae*), выражающую исковое прошение (*Gai. Inst. IV. 41*). Слово *intentio* производно от слова *intendere*, которое, по данным средневекового исследователя Исихора Севильского, изначально обозначает в латыни *следование (движение) в направлении* [4, с. 258]. Учитывая приведённые этимологические основания, И. А. Покровский задаётся вопросом: что лежит в основе понятия об интенции и его терминологической формы — абстрактное понятие о формуле или аналогия со следованием (движением) как материальным явлением? «Уже *apriori* мы должны предположить последнее, — отвечает он. — Подобно тому, как слова „*demonstrare*“, „*condemnare*“ и т. д. имели известное материальное значение прежде, нежели появились

demonstratio и *condemnatio*, как *partes formulae*, так же точно должно быть и со словом „*intendere*“. Все эти материальные понятия не произведены от *partes formulae*, а напротив самые эти *partes formulae* получили своё название от того материального содержания, которое они заключают (выделено мною. — В.П.)» [11, с. 137].

Из изложенного можно сделать вывод, что методология римской юриспруденции основывалась на натурализованных представлениях о мироустройстве, в которых не находилось оснований для различения материального и идеального. В силу этого, для римского правового мышления право предстаёт как нечто овеществлённое (пусть и подчас невидимое глазу), а потому сами юридические понятия были для римских юристов «действительными существами, жизнь и происхождение которых им стали близко знакомы, благодаря продолжительному тесному общению с ними» [31, s. 29]. В этом смысле, римская юриспруденция не знает различий между правовым явлением, понятием об этом явлении и самим термином (словом), которым оно обозначается. Отсюда, содержание правовых явлений не выводится римскими юристами по правилам фундаментальных абстракций и не опосредуется каким-либо теоретическим пониманием права, а задаётся *устоявшимися в естественном языке правилами номинирования*. В этом состоит фундаментальное отличие римской юриспруденции от юриспруденции последующих эпох: для неё познавательный процесс строится в логике, обратной той, которая присуща современному научному познанию права. В римской юриспруденции он движется не от выделения объекта (в научном смысле) к построению теории о нём и последующему выражению этой теории в терминах (как принято в современной исследовательской традиции): для римлян *процесс познания заключается в «подведении» юридической сущности явления под устоявшиеся номинации*. Схематически такую концептуальную логику можно изобразить следующим образом:

объект → слово (номинация) →
юридическая конструкция

Безусловно, такая методология никак не могла способствовать возникновению научного (теоретического) подхода к познанию права в римской юриспруденции [12, с. 90–96]. Этим обуславливается отсутствие в ней общих учений о договоре, деликте, юридическом лице и т. п., поскольку сама *теория* есть идеальная реконструкция мироустройства,

¹ См.: Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593> (дата обращения: 21.05.2023.).

в то время как римское право — это, по выражению О. Шпенглера, «право тела., ибо различает в составе мира телесные личности и телесные вещи и устанавливает отношения между ними» [20, с. 69].

С точки зрения принятой периодизации римского права, вышеизложенный подход формируется в предклассический период (III–I вв. до н. э.); постепенный отход от него начинается ближе к концу классического периода (II–III вв.) и связан, прежде всего, с именами Павла и Ульпиана, которые впервые в истории римской юриспруденции предпринимают попытки формирования абстрактных правовых понятий, широко используя при этом категориальный аппарат греческой философии. Так, Павел обращается к представлениям о *сущности* обязательства (D. 44.7.3 pr.), а Ульпиан рассуждает о понятии вины, говоря о последней не как о чём-то, имеющем вещественное основание, а как о юридической абстракции *в собственном смысле* (D. 2.14.5). Даже если учитывать, что этот первый опыт теоретических обобщений был продиктован практическими соображениями (главным образом — целями преподавания права), он, тем не менее, показателен в том смысле, что иллюстрирует качественно новую тенденцию в концептуальном развитии римской юриспруденции. Эта тенденция заключается в постепенном отказе от натурализованной картины правовой действительности в пользу идеи о дихотомии её материальных и идеальных проявлений.

Наиболее ярко она проявляется в византийской юриспруденции VI в. вследствие усиления влияния греческой философии [12, с. 99]. В этом смысле, как отмечается в литературе, целый ряд новых определений был дан юристами VI в. как результат восприятия философских идей Аристотеля. К примеру, отражённые в Дигестах представления о синаллагматическом обязательстве стали следствием восприятия аристотелевских идей о добровольном и недобровольном обмене [27, р. 357–358]. Другим примером подобного влияния могут служить изречения о естественном праве (D. 50.17.206), в которых также заметно влияние греческих этико-правовых учений. Тем самым, прежняя идея телесности, овеществлённости всего правового начинает постепенно деактуализироваться, а рассуждения византийских юристов начинают приобретать всё большую абстрактность [25, р. 56]. Отсюда в византийском правовом сознании назревает необходимость различения идеального и материального в области права, а значит — и обоснования различий между

правовым явлением, понятием о нём и термином, обозначающим это понятие [28, р. 86].

Однако начавшиеся процессы теоретизации римско-византийской юриспруденции так и не были завершены: стремительное ослабление геополитического влияния Византии в VII в. ознаменовало пришествие европейских «тёмных веков», сопровождавшихся культурным упадком. В этих условиях юриспруденция не просто прекращает своё развитие в обозначенном выше направлении, но и практически исчезает как род деятельности в Западной Европе. Потому византийская юриспруденция, сделавшая первые шаги на пути собственного *теоретического* оформления, не смогла осилить этот путь, во многом оставшись «заложницей» натурализованной картины мира.

Заключение

В целом, изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, юридическую мысль Рима в понятийно-терминологическом контексте оправданно разделить на два периода.

Первый — начиная с процесса становления правовой системы и заканчивая классическим периодом (III в. до н.э. — II в.) — характеризуется господством натурализованной картины мира, в контекстах которой правовое явление и его номинация нераздельны, причем первое (в концептуальном аспекте) вторично по отношению к последней. С этих позиций не проводится различие между правовым явлением, понятием о нём и терминологической формой понятия, поскольку само представление о дихотомии идеального и материального, а значит — понятия и термина, — отсутствует в юридическом мышлении. Отсюда, формируя *терминологический* аппарат, римская юриспруденция данного периода не занимается разработкой системы теоретических понятий.

Второму периоду — с III до VII вв. — присущи зачатки теоретизации. В это время усилившееся влияние греческого философского наследия обуславливает *точечное* введение абстрактных понятий, обращение юридической мысли к идеальным аспектам правовой действительности. Здесь начинает проследиваться *зарождение* исследовательского отношения к праву, в основе которого — идея о нетождественности правового бытия и содержания познающего это бытие юридического мышления. Тем не менее, эти процессы остаются незавершёнными по причине стремительного ослабления византийского влияния в Западной Европе и разрушения прежних культурных практик.

Во-вторых, терминология римской юриспруденции не приобрела характер *терминологии науки*. В силу этого, функцию терминов римского права можно обозначить как *референтно-номинативную*, в том смысле, что они оформляли не теоретико-правовые понятия, а конкретные явления материального мира, с которыми связывались представления о структурных элементах права (в частности, ритуальные действия, которым предписывались юридически значимые последствия). Понятийная форма юридического знания возникнет существенно позже, и первые значительные шаги в этом направлении связаны, прежде всего, с периодом Возрождения XII в., когда начинают свою деятельность глоссаторы.

В-третьих, для правоведения цифровой эпохи продолжают оставаться актуальными юридические конструкции, выработанные римской юриспруденцией. Историческое самовоспроизводство догмы права стало фактором, препятствующим, к примеру, разработке вещно-правовых способов защиты прав на виртуальное имущество. Натурализм юридической картины мира существенным образом нивелирует восприятие цифровых феноменов традиционными средствами познания, в связи с чем наиболее значимым — в реалиях информационного общества — направлением развития юридической мысли становятся методологические вопросы правоведения.

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. Москва : Мысль, 1990. 524 с.
2. Гурвич Г. Д. *Философия и социология права: Избранные сочинения* / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. Санкт-Петербург : Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та : Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 847 с.
3. Деларов П. В. *Очерк истории личности в древнеримском гражданском праве: историко-юридический опыт*. Санкт-Петербург : Издание книгопродавца Н. Г. Мартынова, 1895. 156 с.
4. Исидор Севильский. *Этимологии*. Глава XIX. 1–4 / пер. с лат. и коммент. О. С. Павловой // *Вестник древней истории*. 2017. № 1 (77). С. 252–266.
5. Кант И. *Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 2* / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Москва : Мысль, 1965. 477 с.
6. Кистяковский Б. А. *Философия и социология права*. Санкт-Петербург : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1998. 798 с.
7. Нерсесян В. С. *Современное право: теория и методология : монография* / под ред. В. В. Лапаевой. Москва : Норма, 2012. 303 с.
8. Нерсесянц В. С. *История политических и правовых учений : учебник*. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. 703 с.
9. Перепёлкина Я. А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2020. № 3 (29). С. 45–59.
10. Покровский И. А. *Основные проблемы гражданского права*. Москва : Статут, 1998. 349 с.
11. Покровский И. А. *Право и факт в римском праве. Ч. I. Право и факт, как материальное основание исков (Actiones in jus и in factum conceptae)*. Киев : Типография Императорского университета Св. Владимира, 1898. 145 с.
12. Полдников Д. Ю. *Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук*. Москва, 2016. 571 с.
13. Розин В. М. *Предпосылки и особенности античной культуры*. Москва : Институт философии Российской Академии Наук, 2004. 296 с.
14. Савельев А. И. *Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх* // *Вестник гражданского права*. 2014. Т. 14, № 1.
15. Славова Н. А. *Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание* // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2019. Т. 1, № 2. С. 23–32.
16. Спиноза Б. *Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1*. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. 631 с.
17. Суслина И. А. *Отраслевая принадлежность философии права: историко-правовой аспект* // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. 2010. № 1 (6). С. 35–41.
18. Томсинов В. А. *Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества: историко-сравнительное юридическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук*. Гродно, 1993. 352 с.
19. Цвайгерт К., Кётц Х. *Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х т. Т. 1. Основы* / пер. с нем. Москва : Международные отношения, 2000. 478 с.

20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. Москва : Мысль, 1998. 611 с.
21. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. Полутом 1. Введение и общая часть. Москва : Издательство иностранной литературы, 1949. 432 с.
22. Biondi B. Funzione della giurisprudenza romana nella scienza giuridica e nella vita moderna // *Revue Internationale des droits de l'antiquite*. 1964. Vol. 11. P. 121–140.
23. Coing H. Das Recht als Element der europäischen Kultur // *Historische Zeitschrift*. 1984. Vol. 238. P. 1–33.
24. Data Rights Law 1.0: The Theoretical Basis. Key Laboratory of Bid Data Strategy / Ed. by L. Yuming. London: Peter Lang, 2019. 258 p.
25. Dorandi T. Organization and Structure of the Philosophical Schools // *The Cambridge History of Hellenistic Philosophy* / Ed. by K. Algra, J. Barnes, J. Mansfeld and M. Schofield. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 55–62.
26. Günther J. Romanistische Beiträge zur modernen Zivilrechtswissenschaft // *Archiv für die civilistische Praxis*. 1968. Bd. 168.
27. Held H.-R. Philosophical Background of the *Condictio* Claims in Classical Roman Law // *Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu*. 2019. Vol. 69, no. 3. P. 347–375.
28. Husa J. Transformation of Legal Language — Early Byzantine Legal Discourse // *International Journal of Legal Discourse*. 2017. Vol. 2. Iss. 1. DOI: 10.1515/ijld-2017-0003
29. Kämper L. Forderungsbegriff und Zession. Geschichte und Dogmatik der Abtretung in Frankreich und Deutschland. Tübingen: Mohr Siebeck, 2018. 272 p.
30. Pałka P. Virtual Property: Towards a General Theory: Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Laws. Florence: European University Institute, 2017. DOI: 10.32782/2524-0390/2020.1.49
31. Savigny F. C. von. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft / 3 Aufl. — Heidelberg: Verlag von J. C. B. Mohr, 1840.
32. Steeg R. ver. The Roman Law Roots of Copyright // *Maryland Law Review*. 2000. Vol. 59. Iss. 2. P. 17–27. DOI: 10.1007/978-3-319-15913-3_3
33. Wieacker F. Rechtsbegriff und juristische Fiktion: Eine Besprechung // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 1942. Bd. 102.
34. Wolff H. J. Commentary: Greek Legal History — Its Functions and Potentialities // *Washington University Law Review*. 1975. Vol. 1975. P. 395–408.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 22.06.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 09.10.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.12.2023.